

УДК 316.346.32

**АСОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИЧИН****ASOCIAL ACTIVITY OF YOUTH:
THE INTERPRETATION PROBLEM OF CAUSES****А.Э. Ушамировский
A.E. Ushamirsky**Волжский институт экономики, педагогики и права,
Россия, 404111, Волжский, ул. Советская,6Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law,
Sovetskaya St,6, Volzskij, 404111, Russia

E-mail: viepp@list.ru

Аннотация

Рассматривается проблема причин асоциальной активности молодежи. Анализируются их интерпретации в социологии молодежи и ювенологии. Предлагается объяснение причины молодежной асоциальной активности как спонтанной реакции на широкое распространение имитационных практик и фальсеоинтеракций.

Abstract

In the present article we consider the problem of the causes of asocial activity of young people. It is analyzed their interpretations in the sociology of youth and in the Youth studies. It is proposed the explanation of the reason for youth asocial activity as a spontaneous reaction to the widespread dissemination of imitation practices and false interactions.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, асоциальное поведение молодежи, асоциальная активность, социальная anomия, дезадаптация, имитации, играизация, симулякры, риски.

Keywords: youth, sociology of youth, asocial behavior of youth, asocial activity, social anomie, maladjustment, imitation, gamification, simulacra, risks

Развитие общественно-политической ситуации в России в последние два-три года вновь актуализировало молодежную проблематику в социальных науках. Решающее значение здесь имели, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, участие части молодежи в протестных акциях, организованных Фондом борьбы с коррупцией во многих городах страны, которое для многих сторонних наблюдателей оказалось крайне неожиданным [Боброва, 2017, с. 9]. Во-вторых, распространение среди детей и юношей негативных социальных девиаций – проявлений жестокости, суицида. Широкий резонанс, в частности, получила информация о функционировании так называемых «групп смерти» в социальных сетях. Немотивированная детская жестокость, не менее чем политическая активность, озадачила «взрослых» [Емельяненко, Лебедева, 2017, с. 1,7].

Таким образом, мы, фактически, наблюдаем новый всплеск активности молодежи, которая реализуется преимущественно в асоциальных формах, то есть в формах, не укладывающихся в рамки социальной нормы, «назначением которой является регуляция поведения индивида и группы» [Ковалева, Луков, 1999, с. 235]. При этом асоциальность, которая теоретически может быть и позитивной, и негативной, в зависимости от позиции «оценщика», все чаще проявляется именно как деструктивная, означающая не только разрушение социума, но и личности ее субъекта.

На этом фоне оказалось крайне востребованным адекватное объяснение происходящего, опирающееся не на обыденные суждения, но на научные теории, позволяющие раскрыть причины поведения молодых людей и прогнозировать его динамику хотя бы в обозримом будущем. Запрос на такое объяснение был тем более обоснованным, что в России изучение молодежи конституиро-

валось в целую отрасль социологии молодежи, имеющую множество направлений и школ [Социология молодежи, 2008, с. 461 - 466]. Более того, параллельно ей начала развиваться так называемая «ювенология», как «одна из попыток преодоления теоретической сложности изучения молодежи как комплексного объекта исследований» [Социология молодежи, 2008, с. 461 – 466; Основы ювенологии, 2002].

Тем не менее, ни социологи, ни «ювенологи» не смогли предсказать эволюцию поведения значительной части молодых людей в нестабильной социальной среде. По нашему мнению, главным образом потому, что для современных исследований молодежи в России характерно отсутствие концептуальной идеи, опираясь на которую можно было бы объяснять феномены атипичности молодежного поведения, которые время от времени ведут к обострению взаимоотношений между ее отдельными группами и обществом в целом, а также между группами в составе самой молодежи.

Нельзя сказать, чтобы попытки предложить подобные концепции не были предприняты. Напротив, их, скорее, было слишком много, и любой исследователь, стремясь составить полное представление об эволюции концепций развития молодежи, столкнется с трудностями при их систематизации вследствие обилия подходов. Среди наиболее перспективных интерпретаций процессов в молодежной среде, несмотря на то, что ни одна из них не может дать исчерпывающие объяснения причин, обуславливающих негативные проявления молодежной активности, можно выделить несколько.

Наиболее фундаментально в этом отношении была разработана идея конфликта поколений, довольно активно популяризируемая в конце 90-х годов прошлого века в нескольких вариантах. Сторонники одного из них исходили из того, что молодежь – наиболее незащищенная в социальном отношении группа населения, испытывающая на себе все тяжести реформ. Ученые НИЦ при Институте молодежи в 1997 году заключали: «Общий вывод исследователей РИЦ при ИМ, сделанный еще в 1993 году, остается в силе: «Каждое последующее поколение российской молодежи по основным показателям социального положения и развития хуже предыдущего» [Молодежь России..., 1997, с. 19]. В рассматриваемом контексте социальная или даже асоциальная активность молодежи выглядела как ее реакция на неблагоприятное, по сравнению со старшими поколениями, положение.

Иное объяснение вытекало из подхода А.А. Козлова, рассматривавшего молодежь как лидирующую группу общества [Козлов А.А., 1997, с. 10]. Данный ее статус с неизбежностью стимулировал позитивную асоциальность – асоциальность носителей прогресса в отношении косной социальной среды. Позиция сторонников данного подхода подкреплялась ставшей довольно популярной в свое время концепцией М. Мид, которая, рассматривая межпоколенные конфликты, выделяла два ведущих основания: статусно-иерархическое – сильное различие в статусах – и социокультурное [Мид, 1988]. Конфликт поколений в этом случае представлял как конфликт различных типов культур.

Однако попытки вывести молодежную асоциальность в России из конфликта поколений не были результативными. Прежде всего, потому что сам межпоколенный конфликт не состоялся ни по одной из выявленных причин. Молодежь, с одной стороны, постепенно довольно успешно адаптировалась в социуме. Е.В. Реутов в данной связи отмечает: «Молодежь ... отличается более высокими адаптивными способностями, нежели старшие возрастные группы» [Реутов, 2009, с. 82 - 83]. С другой стороны, в своем абсолютном большинстве, молодежь так и не стала лидирующей общественной группой, что, впрочем, вряд ли было реально в рамках сложившейся общественной системы.

В значительной мере компенсировать дефицит эвристических возможностей идеи конфликта поколений при объяснении причин молодежной асоциальности могла концепция субкультурной неоднородности данной социально-демографической группы. Ее сторонники считали необходимым «рассматривать современную российскую молодежь как дифференцированную в социальном и культурном отношении общность, характеризующуюся крайне высокой динамикой перемен. Среди молодежи можно выделить как лидирующие группы, прекрасно адаптировавшиеся в современном социуме, так и аутсайдеров, положение которых характеризуется нестабильностью, высоким уровнем социальных рисков, а во многих случаях - повышенной агрессивностью [Молодежь российского региона..., 2007, с. 4 - 5]. Существование субкультур при этом представлялось «неизбежным следствием культурной дезинтеграции, ситуации, когда каждый может – и вынужден – относительно свободно выбирать из множества вариантов правил мышления и поведения» [Соколов].

Именно в специфике молодежных субкультур Т.И. Морозова усматривала истоки многих тенденций развития молодежи и подчеркивала, что молодежные субкультуры создают для объединения молодых людей комплементарный ценностно-смысловой и коммуникационный фон, выступая в качестве существенной предпосылки самоорганизационных процессов [Морозова, 2012, с. 30].

Однако эта, в сущности, весьма перспективная позиция влекла за собой существенную проблему – необходимость объяснения механизма формирования молодежных субкультур, особенно тех из них, которые носят асоциальный (независимо – позитивный или негативный) характер. Такого убедительного объяснения сторонники идеи субкультурной неоднородности молодежи так и не дали, что существенно снизило ее потенциал.

В определенной мере прояснить ситуацию попытались В.П. Бабинцев и Е.В. Реутов, связав асоциальное поведение молодежи с социальной дезадаптацией (что, в сущности, не было новым), но при этом, выводя социальную дезадаптацию из ситуации когнитивно-ценностного диссонанса. «Формирование подобного диссонанса, по мнению авторов, - является одним из наглядных проявлений «рождения уникального явления – парадоксального человека» - процесса, который, очевидно, наиболее полно описан Ж.Т. Тощенко» [Бабинцев, Реутов, 2010, с. 110].

В.П. Бабинцев и Е.В. Реутов подчеркивали: «В принципе, как и любое противоречие, данный диссонанс может выступать потенциальным источником саморазвития личности. Однако подобная возможность, к сожалению, довольно редко реализуется на практике, поскольку необходимым условием конструктивного разрешения противоречия является наличие у личности воли к самосовершенствованию и хотя бы минимальной способности к саморегуляции. В реальной жизни воли и способности к саморегуляции обычно не хватает, и естественным результатом диссонанса являются различные формы социальной дезадаптации» [Бабинцев, Реутов, 2010, с. 110].

Действительно, результаты исследований, проведенных авторами, подтверждали: в молодежном сознании проявились существенные расхождения между нормативными ценностями (ценностями-декларациями), предлагаемыми молодым людям средой в качестве эталонов поведения и внутренними установками личности, тем, что П. Бурдые называл габитусами, определяя этим понятием «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и неперемное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [Бурдые, 2001, с. 102].

Однако перспективная идея исследователей не получила необходимого обоснования и развития. Вероятно, прежде всего, потому, что они не попытались рассмотреть асоциальное поведение молодежи в контексте современной российской социальности, выявив и исследовав ее системные характеристики. Между тем, по нашему мнению, именно эти характеристики стимулируют обращение молодых людей как к позитивным, так и негативным формам асоциального поведения.

В рассматриваемом контексте следует обратить внимание на то, что доминирующей чертой российской действительности является массовая симуляция общественных практик, выражающаяся в подмене реальных отношений и поведенческих актов их имитациями. Имитации, «представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией. Декларация, как правило, представляет собой заявление о желаемом результате, которое не подкреплено взвешенной оценкой реальных возможностей субъекта, а провозглашенные в нем цели не обоснованы с точки зрения наличных средств и ресурсов. Декорация – это односторонняя (выгодная субъекту) интерпретация реальности, связанная с наделением ее ценностями, значимыми для субъекта и объекта воздействия. Демонстрация включает в себя осуществление процедур, формулировку идей, лишенных реального содержания (духа реальности), но соответствующих формальным нормам» [Бабинцев, 2012, с. 26].

Довольно заманчивой представляется возможность связать распространение имитаций в современной России с процессами, характеризующими развитие нового индустриального социума, то есть социума, сочетающего в себе черты информационного общества с ретроархаикой. Одной из особенностей организации жизни в таком обществе является продуцирование и использование симулякров. Согласно Бодрийяру, это знаки особого рода, которые не соотносятся ни с какой реальностью, кроме своей собственной. В результате возникает феномен «утраты реальности» «Знаки» больше не обмениваются на «означаемое», они замкнуты в себе. Существование социаль-

ной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности» [Baudrillard, 1994].

Одним из следствий распространения симулякров является обращение к практике фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [Каширина, 2014, с. 76]. Фальсеоинтеракции становясь все более привычными, воспринимаясь как неизбежность представителями «взрослых» поколений, оправдывающих их своим опытом жизни в мире идеологических иллюзий, отвергаются значительной частью молодежи. В силу особенностей своего психологического склада многие из молодых людей не желают адаптироваться к симулятивной социальной среде.

Показательны в данной отношении результаты проведенного нами в Волгоградской области в 2016 году методом анкетирования социологического исследования «Интересы современной молодежи» ($n = 501$). В ходе опроса 67% молодых людей заявили – их не устраивает общество, в котором они живут. При этом 28% в качестве основной причины указали постоянную ложь и обман.

Асоциальное поведение части молодежи в рассматриваемом контексте – аномическая реакция на фальсификацию социальной реальности. В сущности, речь идет о специфическом воспроизводстве ситуации социальной аномии. В этой связи уместно вспомнить Э. Дюркгейма, который понимал аномию как «моральный кризис, при котором на почве общественных потрясений нарушается система моральной нормативной регуляции индивидуальных потребностей и страстей, что ведёт к утрате личностью равновесия, потере чувства принадлежности к группе, чувства дисциплины и общественной солидарности, то есть как такое моральное состояние, при котором естественно возникает отклоняющееся поведение, крайнее проявление которого – акт самоубийства» [Дюркгейм, 1994, с. 38].

В свою очередь, Р. Мертон, анализируя причины девиантного поведения, утверждал, что «некоторые девиации можно рассмотреть как новые образцы поведения, возникающие с большой вероятностью в тех подгруппах, которые не в ладах с институциональными нормами, соответствующими закону и поддерживаемыми другими группами» [Мертон, 2006, с. 239].

Однако, рассматривая современную российскую ситуацию, необходимо учитывать, что многие ценности и нормы являются чистой воды симулякрами, а отношения, складывающиеся по их поводу между людьми, не более, чем фальсеоинтеракции. И асоциальность в данном случае нередко представляет собой протестную реакцию на симулятивные практики. Разумеется, в молодежной среде такая реакция не является всеобщей, поскольку большая часть молодых людей, как уже отмечалось, довольно успешно адаптируется к социальной среде, принимая действующие в ней правила и нормы. Протестная реакция к тому же не всегда рационально осознана. Она может принимать весьма причудливые, нередко уродливые, с точки зрения морали и права, формы (такой формой и является, в частности, суицид). Но она имеет место, и с данным обстоятельством невозможно не считаться.

Интерпретируя феномен асоциального поведения части молодежи, важно, как нам представляется, обратить внимание и на то, что современное российское общество представляет собой общество повышенного (некалькулируемого) риска. Ю.А. Зубок подчеркивает: «Общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [Зубок, 2003, с. 146]. Рискогенный характер социума дополнительно стимулирует аномию. «В условиях, когда социальные нормы теряют свою функцию социального контроля, что характерно для переходного общества, происходит рост аномии, а также воспроизводство социальных рисков. Разрушение моральных, правовых, идеологических основ жизни приводит к тому, что заметно расширяются возможности выбора жизненных стратегий с высокой степенью непредсказуемости и случайности», – подчеркивает К.В. Сергеева [Сергеева, 2012, с. 13].

Неопределенность и случайность делают крайне непредсказуемым поведение отдельной личности, а нередко и микрогруппы. Это тем более вероятно, что самоорганизация и выбор жизненной стратегии молодыми людьми все более смещаются в виртуальную сферу, наполненную большим количеством условностей, усиливающих игровую составляющую поведения, а порой полностью замещающих ею реальные отношения и связи. Утверждается феномен играизации, ко-

торая, по сути своей, «есть деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, в ней все осуществляется «понарошку»» [Социология молодежи, 2008, с. 139].

Парадоксально, но асоциальные действия, независимо от их позитивной или негативной направленности, значительной частью участников воспринимаются именно как очередная игра, в которой неизбежны как негативные, так и позитивные риски. В силу игровой природы асоциального поведения молодых людей минимизируются возможности рационального диалога с ними, осуществляемого с позиции защиты интересов общества, да и самой молодежи как его части.

Еще более контрпродуктивными являются попытки предотвратить асоциальные действия с помощью административных санкций, которые не воспринимаются молодыми людьми уже в силу крайне низкого доверия к основным социальным институтам, пожалуй, за исключением семьи. В частности, лишь меньшинство молодых людей доверяют государственным структурам и должностным лицам. По данным Т.И. Морозовой, в 2012 году Президенту РФ доверяли 21,93% молодых людей; Государственной Думе РФ – 8,16%; главам исполнительной власти регионов (губернаторам) – 8,16%; представительным органам власти субъектов РФ – 4,61%; главам администраций муниципальных образований – 4,48%. Крайне низким уровнем доверия молодежи пользовалась полиция (0,33%) и органы безопасности (0,53%) [Морозова, 2012, с. 116].

В силу данного обстоятельства актуальной задачей становится поиск новых эффективных каналов и форм диалога социальных институтов и молодежи. Однако уже сегодня очевидно, что необходимым предварительным условием такого диалога становится деконструкция имитационной составляющей общественных практик.

Список литературы

References

1. Бабинцев В.П. 2012. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. № 5. С. 24 – 29.
Babintsev V.P. 2012. Imitatsionnye praktiki v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii . Vlast', no. 5, pp. 24 – 29. (In Russ.).
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. 2010. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. № 1. С. 109 – 115.
Babintsev V.P., Reutov E.V. 2010. Samoorganizatsiya i «atomizatsiya» molodezhi kak aktual'nye formy sotsiokul'turnoy refleksii .SOTSIS, no. 1, pp. 109 – 115. (In Russ.).
3. Бурдые П. 2001. Практический смысл. СПб.: Алетей. 576 с.
Burd'e P. 2001. Prakticheskiy smysl. St.Petersburg, Aletey. 576 p. (In Russ.).
4. Боброва О. 2017. Чего вы не знали о ваших детях? // Новая газета. № 34. С. 9.
Bobrova O. 2017. Chego vy ne znali o vashikh detyakh? Novaya gazeta, no. 34, pp. 9. (In Russ.).
5. Дюркгейм Э. 1994. Самоубийство: Социологический этюд. Пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль. – 399 с.
Dyurkgeym, E. 1994. Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud. Per. s fr. s sokr.; pod red. V. A. Bazarova. – Moscow, Mysl', 399 p. (In Russ.).
6. Емельяненко В., Лебедева Н. 2017. Что делать с детской жестокостью? Чучело-2 // Российская газета. № 88. С.1, 7.
Emel'yanenko V. and Lebedeva N. 2017. Chto delat' s detskoй zhestokost'yu? Chuchelo-2. Rossiyskaya gazeta, no. 88, pp.1, 7. (In Russ.).
7. Зубок Ю. А. 2005. Проблема риска в социологии молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок. – М.: Ин-т соц.-полит. исслед. – 292 с.
Zubok Yu. A. 2005. Problema riska v sotsiologii molodezhi [Tekst] / Yu. A. Zubok. – Moscow, In-t sots.-polit. issled., 292 p. (In Russ.).
8. Каширина М.В. 2014. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций // Социология образования. № 10. С. 76 - 86.
Kashirina M.V. 2014. Sovremennyy rossiyskiy vuz kak sfera genezisa fal'seointeraksiy. Sotsiologiya obrazovaniya, no. 10, pp. 76 - 86. (In Russ.).
9. Ковалева А.И., Луков В.А. 1999. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум. 351 с.
Kovaleva A.I. and Lukov V.A. 1999. Sotsiologiya molodezhi. Teoreticheskie voprosy. Moscow, Sotsium. 351 p. (In Russ.).

10. Козлов А. А. 1997. Молодежь – лидирующая группа общества // Человек и общество: тенденции соц. изменений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24-26 сент. 1997 г. – СПб. ; Минск ; Ростов н/Д. – Вып. 2: Проблемы молодежи и образования, ч. 1 : Молодежь и общество. – С. 8-12.

Kozlov A. A. 1997. Molodezh' – lideruyushchaya gruppya obshchestva .Chelovek i obshchestvo: tendentsii sots. izmeneniy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., St.Petersburg, 24-26 sent. 1997 g. – St.Petersburg ; Minsk ; Rostov on Don, 1997. – Vyp. 2: Problemy molodezhi i obrazovaniya, ch. 1 : Molodezh' i obshchestvo. – pp. 8-12. (In Russ.).

11. Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М: АСТ, Хранитель. – 880 с.

Merton R. 2006. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. Moscow, AST, Khranitel'. 880 p. (In Russ.).

12. Мид М. 1988. Культура и мир детства. М.: Наука. 429 с.

Mid M. 1988. Kul'tura i mir detstva. Moscow, Nauka. 429 p. (In Russ.).

13. Молодежь России 97: надежды и разочарования. 1997. М.: Научно-исследовательский центр при Институте молодежи. 339 с.

Molodezh' Rossii 97: nadezhdy i razocharovaniya. 1997. Moscow, Nauchno-issledovatel'skiy tsentr pri Institute molodezhi. 339 p. (In Russ.).

14. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: монография / Под ред. В.П. Бабинцева. 2007. Белгород: . 276 с.

Molodezh' rossiyskogo regiona: dukhovnye miry i zhiznennye strategii: monografiya / Pod red. V.P. Babintseva. Belgorod, 2007. 276 p. (In Russ.).

15. Морозова Т.И. 2012. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород: ИД «Белгород». 360 с.

Morozova T.I. 2012. Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona. Belgorod: ID «Belgorod». 360 p. (In Russ.).

16. Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования 2002. СПб.: БИС-принт. 400 с.

Osnovy yuvenologii: opyt kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo issledovaniya 2002. St.Petersburg, BIS-print. 400 p. (In Russ.).

17. Реутов Е. В. 2009. Молодежь: адаптация к экономическому кризису // Молодежь и общество. № 4. С. 81-87.

Reutov, E. V. 2009. Molodezh': adaptatsiya k ekonomicheskomu krizisu . Molodezh' i obshchestvo, no. 4, pp. 81-87. (In Russ.).

18. Сергеева К. В. 2012. Культурная идентичность как фактор социализации современной российской молодежи [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. / К. В. Сергеева ; Моск. гос. гуманит. ун-т им. М. А. Шолохова. М. 26 с.

Sergeeva K. V. 2012. Kul'turnaya identichnost' kak faktor sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk : 22.00.06. / K. V. Sergeeva ; Mosk. gos. humanit. un-t im. M. A. Sholokhova. – Moscow, 2012. – 26 p. (In Russ.).

19. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Режим доступа к изд.: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

Sokolov M. Subkul'turnoe izmerenie sotsial'nykh dvizheniy: kognitivnyy podkhod // Rezhim dostupa k izd.: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm>. – Sistem. trebovaniya IBM PC; Internet Explorer. (In Russ.).

20. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. 2008. М.: Academia. 608 с.

Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar' / otv. red. Yu.A. Zubok i V.I. Chuprov. 2008. Moscow, Academia. 608 p. (In Russ.).

21. Baudrillard J. 1994. Simulacra and simulation; translated by S. F. Glaser. – Ann Arbor : Univ. of Michigan Press. 164 p.

Baudrillard, J. 1994. Simulacra and simulation; translated by S. F. Glaser. – Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1994. – 164 p.